

**Философско-политические и культурные
метаморфозы — путь великой уравнищенности
(о книге М.В.Шарко «Исследование политических процессов
Японии: традиции и современность»)**

Вряд ли можно назвать более актуальную тему, чем путь сближения народов: нарастающий накал страстей может привести к необратимому уже распаду. Чтобы исчезла почва для конфликтов, народы должны увидеть друг друга, принимая несходство за благо, а не за оскорбление. Для того же, чтобы увидеть другого, нужно прежде увидеть себя, самоидентифицироваться. Однако осознать себя можно при одном условии — обратившись к собственному прошлому, к своим истокам; осознав свое культурное предназначение, свое место в общем мировом сообществе. Тот же, кто осознал себя, не может не признавать самобытность другого. Такова глубинная диалектика мировых отношений — признание единства разного, многообразия форм Единого. Подобную модель со-существования разных народов, прошлого и настоящего, выстраивает М.В.Шарко. Новый тип отношений предполагает и новый тип мышления, и новое качество самой дипломатии: высочайшую культуру и нравственную ответственность, которые способны снимать напряжение в мире.

При такой постановке вопроса, естественно, исследователь не может не касаться болевых точек современности. Одна из них — процесс глобализации, который не случайно вызывает сопротивление народов и споры ученых. Стихийный процесс расширения экономической сферы может поглотить непробужденные народы вместе с их традициями. Уже Эмпедоклу было ведомо, что соединение однородного ведет к Вражде, Ненависти-Нейкосу, а соединение разнородного — к Дружбе, Любви-Филии. Действительно, уподобление одного другому, стандартизация, насильственное объединение приводило к гибели мощных империй, начиная с Римской. У народов срабатывает инстинкт самосохранения. Признавая возможность негативных последствий,

М.В. Шарко проводит мысль о необходимости регулировать процесс глобализации, придав стихийному процессу разумный характер, ибо всякая стихия, предоставленная самой себе, не знающая Великого Предела, становится разрушительной силой. Многомерная же глобализация, по мнению М.В. Шарко, предполагает «новую парадигму мышления».

При таком подходе неизбежно углубляется и понятие самой «политики», в которой разумные и нравственные критерии становятся определяющими, что особенно важно в наше время, крайне уязвимое для всяких промахов. В поисках новой парадигмы закономерно обращение не только к собственной духовной традиции (учениям Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева и др.), но и к последним достижениям научной мысли, которая обретает человеческое измерение.

В этом плане закономерно обращение именно к Японии, явившей в своем историческом опыте те черты, в которых нуждается современный мир. «Современная Япония имеет идеальную форму организации государства, когда национальная идентификация и сфера действия легальной политической власти совпадают»¹. Этим объясняется и огромный интерес к «японской модели», которую неслучайно называют «чудом», не осознавая ее природы. Этот пробел и восполняет М.В. Шарко, обращаясь к истокам, к древним текстам Японии, сформулировавшим представление японцев о мире и своем месте в нем.

Действительно, суть японской модели прежде всего в ее подвижности, гибкости, способности адаптироваться, что сами японцы называют «ситуационной этикой». Иначе говоря, нужно уметь меняться вместе с Переменами, чтобы не отстать от предназначенного Пути, который у каждого народа свой, только не каждый народ это осознает (подобно японскому). При этом устойчивость образуется благодаря тому, что в Изменчивом есть Неизменное (Фуэки-Рюко): меняющееся на поверхности неизменно на глубине, являет Основу (то, что М.В. Шарко называет «инвариантной доминантой»²). Отсюда приверженность своему Пути, суть которого отражена уже в древнем названии Японии — Ямато (иероглифы — Великая Уравновешенность). Полагая неизменным свой национальный дух — Ямато дамасий, — отводили и китайским знаниям свое место, сформулировав это правило в IX веке: «вакон кансай» — «японская душа — китайская ученость».

За прошедшие века японцы сумели доказать устойчивость своей гибкой, пульсирующей системы, позволившей им избежать односторонности, осваивать науку «обратной связи». Конечно, и им ведомы времена смут, но сознательная ориентация на двуединую модель помогала им выходить из самых сложных ситуаций. И в этом, действительно, сильная сторона их стратегической политики. «Религия являлась одним из признаков национальной идентичности: подавляющее большинство населения исповедует синто, буддизм и

конфуцианство»³. И это соответствует Пути Великой Уравновешенности, избавляя от повода для религиозных распрей. Так что у исследователя есть основания акцентировать внимание на «интеллектуально-религиозной составляющей» как главном векторе, определяющем уровень развития общества.

В связи с этим трудно не отметить некоторую односторонность при характеристике политики Верха-Низа, предполагающей полное послушание низших высшим. Сама политика управления не была все-сильной, судя по обычаю отправлять в ссылку, подвергать наказанию неугодных, как правило, самых талантливых мастеров искусства, непокорных буддийских наставников. И на уровне массового сознания все не так однозначно: послушание как нежелание нарушать волю богов-ками, заветы предков, не нарушать мировой порядок, как они его понимали. (Достаточно сказать, что в наше время преуспевают те японские фирмы, которые владеют механизмом обратной или двусторонней связи, принимают во внимание интересы подчиненных, стимулируя их инициативу.)

Иногда складывается впечатление, что и сама политика самодостаточна: «все было Политикой»⁴. Надо думать, что все может стать политикой, но цели политики могут быть двойки: созидательны и разрушительны, реализация национальной идеи или ее разрушение — в зависимости от тех, от кого эта политика исходит и на кого она опирается. Политика вторична, в том смысле, который имеет в виду Ф.Брауд: «Ничто по своей природе не является политическим и все им может стать», и М.В.Шарко, сделав политику предметом своего исследования, не раз ссылается на его слова.

Наконец, по-моему, не всегда оправданны ссылки на востоковедческие авторитеты: некоторые утверждения устарели, свидетельствуют о не преодоленном еще европоцентризме, другие звучат неубедительно. И вряд ли исследователь нуждается в этой опоре, настолько самостоятельны и глубоки ее собственные суждения. Исследование М.В.Шарко можно признать вкладом в современную науку и по содержанию, и по своей методологии, внутренней логике. Она может служить образцом научного подхода к жгучим проблемам современности.

Примечания

¹ Шарко М.В. Исследование политических процессов Японии: традиции и современность. С. 27.

² См.: Там же. С. 82.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 95.